
СЕТЕВОЙ РЕСУРС КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В РЕГИОНАЛЬНЫЙ СОЦИУМ

Катерина Фофанова, Дмитрий Борисов

Статья посвящена анализу сетевых ресурсов и факторов интеграции иностранных трудовых мигрантов в региональный социум (на примере Республики Мордовия). На основе эмпирических данных показано, что на территории Республики Мордовия иностранные трудовые мигранты демонстрируют различные стратегии интеграции. В статье сделан вывод, что стратегии интеграции иностранных трудовых мигрантов в принимающее сообщество и тип организации социальных сетей зависят от страны-донора и количества времени пребывания в регионе, от целей миграции. Авторы полагают, что для современной миграционной политики необходим диверсифицированный подход к интеграции.

Ключевые слова: иностранная трудовая миграция, интеграция, социальные сети, миграционная политика, регион

NETWORK RESOURCE AS THE FACTOR OF INTEGRATION OF FOREIGN LABOR MIGRANTS TO REGIONAL SOCIETY

Katerina Fofanova, Dmitriy Borisov

The article analyses network resources and factors of integration of foreign labor migrants to regional society (by the example of Republic of Mordovia). On the basis of empirical data analysis the authors reveal different types of social networks and integrative strategies, which were formed in Mordovia. The authors came to the conclusion that strategies of integration of foreign labor migrants to the receiving society and the type of social network organization depend on specificity of donor country, time of stay in the region, and aims of migration. The authors argue that contemporary migration policies should take into consideration the diversified approach to integration issues.

Keywords: foreign labor migrant, integration, social networks, migration policies, region

Введение*

Интерес к исследованию миграции, сформировавшийся в науке за последнее время, связан с интенсификацией миграционных потоков в России и в мире в целом. При этом особую роль в структуре миграционных процессов играет иностранная трудовая миграция. Иностранцы приезжают в страну, гражданами которой они не являются, в первую очередь с целью заработка, при этом они могут иметь как легальный, так и нелегальный статус пребывания в принимающей стране. Особый статус иностранных трудовых мигрантов, их мотивация оказывают влияние на самих мигрантов и на принимающие их сообщества. В последние годы местом притяжения стали территории, ранее малопривлекательные для мигрантов, в частности Республика Мордовия.

Интеграция иностранных трудовых мигрантов в региональное сообщество во многом находится в зависимости от социальной структуры, системы отношений между различными социальными группами, возможностей социальных институтов обеспечивать устойчивые связи и отношения в рамках принимающего сообщества. В силу того что иностранная трудовая миграция – относительно новое явление для России и формальные институциональные структуры в недостаточной степени готовы к регулированию интеграционных процессов, произошло смещение акцентов в сторону значимости неформальных связей.

Статья посвящена анализу сетевых ресурсов и факторов интеграции иностранных трудовых мигрантов в региональный социум (на примере Республики Мордовия). На основе теоретических идей «расколотого рынка труда» Э. Бонасич, концепции социальных сетей Х. Уайта, М. Грановеттера, а также идей Ф. Фукуямы о доверии исследуются способы преодоления иностранными трудовыми мигрантами барьеров в принимающем сообществе, выявляются стратегии доступа к работе, жилью и другим ресурсам, поднимается проблема снижения рисков от неопределенности, с которой сталкиваются мигранты.

В статье выявляется специфика социальных сетей и стратегий интеграции иностранных трудовых мигрантов в местное сообщество. С этой целью были проведены интервью с иностранными трудовыми мигрантами из Узбекистана и Таджикистана, с их «бригадирами», или «братьями» (как их называют сами мигранты), с представителями регионального отделения общероссийской общественной организации «Всемирный азербайджанский конгресс по Республике Мордовия» и регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз армян России» в Республике Мордовия, а также с представителем

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства РМ (грант № 12-13-13002 «Социальные факторы межэтнической консолидации»).

компании «Ташир» в Саранске. На основе анализа интервью будет показано, что на территории Республики Мордовия иностранные трудовые мигранты демонстрируют различные стратегии интеграции.

Социальные сети: «узловые моменты» теории

Характерной чертой современной миграции является широкое развитие неформальных социальных сетей. Под социальными сетями понимают «стабильные модели непосредственного взаимодействия между людьми» [Рона-Тас, 1999. С. 396]. По мнению Н. А. Зотовой, «неформальные сети играют важную роль в жизни мигрантов в стране пребывания; мобилизация данного ресурса является единственным доступным способом решения проблем для многих мигрантов. При помощи сетей они находят работу, жилье; в их круг общения в России вовлекается значительное количество людей» [Зотова, 2008. С. 167].

Социальные сети являются способом адаптации различных социальных групп к экстраординарным условиям существования. Основная их функция – «обезопасить участников от реальных или мнимых угроз "оставления" их без защиты государством на произвол частного интереса, носителями которого могут быть как "акулы капитализма", так и любые представители "нерыночных" социальных групп, включая криминальные структуры и чиновников» [Радаев, 1998. С. 49].

Особое место в изучении социальных сетей принадлежит американской «новой экономической социологии», у истоков которой стоял Х. Уайт, предложивший социологический вариант теории производственных рынков. Наиболее значительной фигурой этого направления является М. Грановеттер. По его мнению, современное общество устроено таким образом, что все пронизано «сетями» социальных отношений – устойчивыми системами связей и контактов между индивидами, которые невозможно втиснуть в рамки традиционной дихотомии «рынок – иерархия». В современном обществе эти сети неформальных отношений позволяют находить работу, обмениваться информацией, разрешать большинство всех проблем и конфликтов [Грановеттер, 2011]. Ресурсный потенциал сетей раскрывается в работах П. Бурдые и Дж. Коулмена о социальном капитале. В этой парадигме исследований аккумуляирование социального капитала в той или иной группе рассматривается как следствие укрепления отношений доверия и складывания сложных сетевых взаимодействий.

В представленных концепциях отражены «узловые» элементы, позволяющие типологизировать социальные сети иностранных трудовых мигрантов через такие категории, как социальный капитал, каналы взаимодействия, коалиционность, а также показать, как условия сетевого общества используются мигрантами в качестве ресурса интеграции. В рамках нашего исследования мы изучали стратегии и способы интеграции

иностранных трудовых мигрантов, опираясь на идеи П. Бурдьё, Дж. Коулмана, Ф. Фукуямы о том, что членство человека в ассоциациях различного типа, его включенность в социальные группы, ориентированные на взаимопомощь, позволяют ему решать задачи, которые он не способен решать в одиночку. В соответствии с теорией социальный капитал рассматривается как агрегация средств, необходимых для достижения индивидом поставленных целей и удовлетворения своих интересов.

Данное исследование опирается на весь комплекс представленных идей, учитывая и наличие устойчивой совокупности взаимосвязей и отношений между участниками по обмену различными ресурсами, и различные способы адаптации, и условия сетевых отношений.

При этом необходимо учитывать и то, что мигранты в принимающем сообществе находятся под влиянием целого ряда факторов риска, действующих как по отдельности, так и в совокупности: экономические (заниженная оплата труда, невыплаты заработной платы), медицинские (недоступность медицинских услуг в случае проблем со здоровьем), психологические и прочие. Именно сетевой ресурс в условиях ограниченного выбора институциональных средств является порой единственным способом интеграции в принимающее сообщество. Он способен облегчить процесс миграции «посредством уменьшения издержек и свойственных ей рисков» [Блинова, 2009. С. 59].

«Путь пчелы» – основа для заглядывания «вовнутрь»

Э. Бонасич считает, что «в традиционных обществах существуют глубокие разрывы между отдельными социальными слоями (элитой и массами, производителями и потребителями и так далее), которые не могут быть преодолены собственными силами». Возникает потребность в «посторонних» социумах, как правило, других этносах, которые, по словам Э. Бонасич, «играют роль посредника между производителем и потребителем, нанимателем и нанимаемым, владельцем и рантье, элитой и массой». Они заполняют разрывы между отдельными группами общества и в этом качестве являются буфером, а в кризисных ситуациях – «козлом отпущения» [Bonasich, 2000. P. 583].

В исследовании мы исходили из гипотезы о том, что иностранная трудовая миграция – относительно новое явление для России и формальные институциональные структуры в недостаточной степени готовы к регулированию интеграционных процессов, что приводит к смещению акцентов в сторону значимости неформальных связей и сетевых ресурсов.

Как показывают результаты исследований, мигрантские «сети формируются по принципу землячества, и часто образуют специальные "этнорегиональные" ниши со своей определенной сферой занятости» [Зотова, 2008. С. 167].

В результате анализа интервью с представителями различных землячеств на территории Мордовии нами был получен основной вектор измерения социальных сетей – от «сильных» до «слабых» связей, выявлены типы социальных сетей, участвующих в процессе интеграции иностранных трудовых мигрантов. Очевидно, что жесткой привязки типа сетей к национальности мигрантов не существует, а приведенные ниже случаи демонстрируют ситуацию, сложившуюся именно в Мордовии. Однако сама выявленная типология сетей может применяться в качестве инструмента для анализа социальных сетей мигрантов и для повышения эффективности социальной политики в этой области.

«Патернализм», или брат родной

Первый тип назовем *«патернализм»*. Черты, присущие этой сети, характерны для трудовых мигрантов из Узбекистана. Основная цель их приезда в регион – заработок. Информанты – из числа маятниковых мигрантов и «бригадиров» – рассказали о том, как тяжело им жить у себя на родине в Узбекистане: отсутствие работы, низкая оплата труда, ответственность за содержание семьи вынуждают их ехать на заработки в Россию:

Там нет ничего. Людям надо жить. Кому-то дочь надо замуж отдавать, сына женить, кому дом строить, кому свадьбу играть. Понимаете? Ту зарплату, которую мы здесь получаем, там не заработать. Мы вынуждены приезжать сюда работать, зарабатывать и уезжаем (Ер¹, 48 лет).

Если бы были хорошие условия дома, они бы сюда не приехали. Им не нужна бы была Россия. Они вынуждены зарабатывать (Юард, 52 года).

Эти и другие интервью показывают, что среди узбеков-гастарбайтеров «доминируют ценности прагматической культуры» [Мокин, 2006. С. 68]. Интервью подтверждают вывод, сделанный Э. Бонасич: «мигранты, ориентированные на временное пребывание, стремятся скорее к накоплению, чем к потреблению. Эту бережливость можно объяснить готовностью переносить кратковременные лишения, чтобы как можно скорее достичь долгосрочной цели – возвращения на родину» [Bonasich, 2000. P. 45]. Для мигрантов из Узбекистана особо значимо быстрое включение в рынок труда и решение жилищных проблем:

Приехал, меня встретили и отвезли. Живу и работаю на объекте. Еду готовим сами, есть человек. Мы никуда не выходим. Нам нельзя, да зачем (Тохта, 20 лет).

Многие мигранты приезжают на заработки в регион уже по несколько лет, уезжают к себе на родину только на зимний период. Есть определенное

¹ Имена информантов изменены.

число мигрантов, работающих круглогодично, выезжающих с территории России только для получения новой регистрации. Из интервью с трудовыми мигрантами из Узбекистана мы узнали, что имеются факты того, что по несколько лет узбеки не выезжают из региона.

Я девять лет в России, последние пять лет в Мордовии. А зачем мне ехать? Кто знает, вдруг на границе возникнут проблемы. Я отдаю своим паспорт, ну заплачу, конечно, они поставят штамп на границе и мне привозят (Хасан, 49 лет).

Интервьюер: А остаться на постоянное место жительства в Мордовии не думали?

Да нет, когда-нибудь вернусь, там вся семья, родители, жена, дети, братья. Здесь хорошо, но культуры у нас разные (Хасан, 49 лет).

Интервью с информантами, которые уже длительный период времени находятся на территории России, показывают, что в планы мигрантов не входит окончательный переезд, они не рассматривают возможность приобретения жилья, стараются также работать со «своими».

Трудовые мигранты из Узбекистана в основном объединены в строительные бригады, причем в узбекские бригады «вход» закрыт для гастарбайтеров других национальностей. Из интервью с так называемым «братом» (именно так называют мигранты своего попечителя в Саранске) мы узнали, что в одной бригаде оказываются люди из одного села и, как правило, все они являются родственниками или близкими знакомыми.

Интервью показывают, что обычно в основании сети стоит человек, который долгое время живет в России, часто еще с советского периода:

Я здесь 30 лет живу. Мои связи – это мои медали, мой орден. Я имею орден Красной Звезды, я бывший офицер, был в Афгане (Юард, 52 года).

Все свои действия, начиная с выбора территории, приезда, оформления документов, устройства на работу и поиска жилья до организации досуга трудовые мигранты из Узбекистана осуществляют с помощью сети:

Давайте, говорю, приезжайте, сразу все приготавливаю, жилье. В городе здесь не найдешь квартиру. Нахожу через объявления, каждую неделю я вспоминаю и проверяю их. (Ширин, 35 лет).

Мигранты из Узбекистана неоднократно подчеркивали необходимость соблюдения социальной дистанции по отношению к местным жителям с целью безопасности. Причем от гастарбайтеров выполнения этого условия требует «брат». Анализ интервью показывает, что «бригадиры» как «агенты интеграции» проводят воспитательную и разъяснительную работу с земляками, выступают гарантами их безопасности. Трудовые мигранты получают наставления о том, как себя вести, чтобы не вызвать

конфликты и недовольство со стороны жителей республики, знакомятся с конвенциональным кодексом поведения трудового мигранта:

Интервьюер: Вы приезжаете, – он вам говорит, на улицу не ходить.

Да, так и есть. Говорит, не гуляйте, не пейте (Пулат, 27 лет).

Они никуда не ходят, никуда не выходят. Какие бы они хорошие не были, пьяный человек попадетсЯ и изобьет. Береженого Бог бережет (Юард, 52 года).

На то, что мигранты из Узбекистана «замыкаются» в своей этнической социальной сети, указывают и мигранты из других стран и иного этнического происхождения.

Из интервью с мигрантом из Таджикистана:

Интервьюер: С узбеками общаетесь?

Нет, только с местными и мусульманами.

Интервьюер: А почему с узбеками не общаетесь?

Не знаю, они не идут на общение. Боятся чего-то (Абдол, 29 лет).

Все социальное взаимодействие трудовых мигрантов локализовано в пространстве непосредственной близости к строительному объекту: «только до объекта и до магазина», «живем там, где работаем», «на рынок и обратно».

Трудовые мигранты из Узбекистана отчетливо артикулируют те слабые стороны социального капитала, на которые указывает Дж. Коулман: взаимное доверие и взаимопомощь, «целерационально формируемые в межличностных отношениях» [Коулман, 2001. С. 126]. Доверие, являющееся одним из оснований социального капитала, подразумевает высокий уровень ответственности, честности и предсказуемости во взаимоотношениях. Если обратиться к идеям Ф. Фукуямы, то можно увидеть, что «эффективность социальной сети определяется наличием внутри сообщества норм и ценностей, разделяемых всеми его членами, а также [зависит] от готовности подчинить свои интересы интересам группы. Результатом общих норм и ценностей становится взаимное доверие» [Фукуяма, 2004. С. 26]. По Фукуяме, доверие позволяет группе «индивидов, имеющих этническую общность в качестве фундамента, открывать для себя перспективу эффективного совместного труда» [Фукуяма, 2004. С. 45].

Они все вместе приезжают, они один район. Эти люди знают, что я честно к ним отношусь, они будут приезжать: отец, сын, зять, дядя, все родственники, чужих нет здесь. Два старших (Ширин, 35 лет).

Трудовые отношения мигрантов основаны на горизонтальном доверии к социально близкому, лично знакомому партнеру. Интервью показали, что бригады формируются из узбеков, приехавших из одного села,

одной деревни. Близкие контакты жителей одного села, одной деревни способствуют более тесному общению, создают более прочную атмосферу поддержки и ответственности друг перед другом.

Братья бригад взаимодействуют друг с другом только в случае особой необходимости, например в случае недостатка ресурсов для защиты своей бригады. Вот что нам рассказал один из братьев:

Интервьюер: Вы общаетесь с другими бригадирами?

Нет, только здороваемся. В прошлом году узбеки не могли получить деньги, я помогал другой бригаде. Обращался в суд, нанимал адвоката (Юард, 52 года).

В условиях чужой страны повышается значимость доверия. По мнению П. Штомпки, существуют факторы доверия, к числу которых относятся вероятность нежелательного поведения и цена ставки как возможные потери в случае такого поведения [Sztompka, 1999]. Причем в чужой стране, где существенно ограничивается возможность апелляции к общим культурным и социальным образцам, эти риски многократно возрастают, что повышает внимание к проблеме межличностного доверия. Создание социальной сети приводит к минимизации риска в области социальной безопасности и в сфере экономических издержек:

А эти дружные между собой. Все до копейки отчитаются, все пишут, лишнее не тратят. Зарплату получили, каждый оставляет себе по тысяче, а остальное все домой (Рустам, 45 лет).

С местным населением если и выстраиваются отношения, то, как правило, инструментального характера, проявляющиеся посредством обмена материальными ресурсами и практическими действиями. В интервью указывают: *«Соседи приходят то тачку спросить, то еще что-нибудь. Иногда помогаем. Мы можем у них спросить, например спички. Картошку покупаем»* (Батыр, 50 лет).

Компетенции, которыми обладает «брат», помогают мигрантам преодолеть страх неопределенности на чужой территории, найти работу, заработать деньги и чувствовать себя в безопасности. «Брат», по сути, предоставляет социальные блага, что воспринимается как забота о земляках. Опекунство со стороны руководителя сети, принуждение к определенным правилам поведения создают границы безопасности, формируют представления о взаимодействии с местным населением, «со своими», а также определяют границы повседневного общения за пределами рабочих объектов и социальной сети.

Вместе с тем можно предположить, что именно социальные сети содержат в себе латентные риски, связанные с тем, что у трудовых мигрантов нет альтернативы при обустройстве и поиске работы, соответственно они могут стать объектом эксплуатации со стороны «опекаю-

щего» их человека. Эта уязвимость может возникнуть на любом этапе, начиная с приглашения на работу, во время переезда и во время самой трудовой деятельности.

Трудовые мигранты на территории республики стараются жить в пределах установленных границ социальной сети, используя сетевые ресурсы для интеграции. Отмечается замкнутость этноконтактной зоны, минимальная коммуникация с местным населением, в определенной степени наблюдается самосегрегация трудовых мигрантов из Узбекистана.

«Религиозная солидарность»: мечеть как источник интеграции

Второй тип социальной сети, сложившийся среди трудовых мигрантов на территории республики, мы назвали «религиозная солидарность». Черты, присущие данной сети, характерны для мигрантов из Таджикистана. Кроме основной цели заработка, многие из них ставят перед собой задачу остаться жить в республике.

Как указывает М. Грановеттер, сети неформальных (прежде всего, личных и родственных) отношений позволяют найти работу, получить необходимую информацию о жизни принимающего региона [Грановеттер, 2011]. Это подтверждает анализ интервью с иностранными трудовыми мигрантами из Таджикистана:

Ребята здесь работали, вот и пригласили в церковь. Нужен был кладчик (Козим, 29 лет).

Заранее договариваемся, куда приеду. Приезжаешь, заключаешь договор и начинаешь работать (Ораш, 27 лет).

Тексты интервью показывают, что информация о принимающем обществе, соответствующая действительности, передается посредством личного взаимодействия между мигрантами и членами их родного сообщества:

Семь лет работал в Свердловске, платили хорошо, лучше, чем здесь, но мне не нравилось там. Могли в спину крикнуть черномазый (смущается). А здесь брат работал, говорит, что хорошо здесь, спокойно. Ни разу здесь так меня не назвали (Абдул, 28 лет).

Гастарбайтеры из Таджикистана стараются не прибегать к посредникам, а налаживать прямые контакты со своими работодателями, которых часто рассматривают как источник помощи при адаптации:

У нас нет бригадиров, мы сами находим работу. Вот к батюшке пришли, договор заключили и работаем. Съездили, купили материалы, заказали (Орзу, 32 года).

Помогают те, у кого работаем (Ота, 37 лет).

Мигранты из Таджикистана, находящиеся на территории Мордовии, задействованы не только в строительной сфере, но и в торговле: продают вещи, овощи, фрукты. Наличие двух сфер деятельности указывает на более стабильное, устойчивое положение мигрантов из Таджикистана в регионе. Сфера торговли ориентирована на перспективу в отличие от строительной деятельности, где есть фактор климатических условий, конкретные сроки сдачи объекта.

При этом, как было сказано выше, в строительные бригады узбеков «вход» закрыт для гастарбайтеров других национальностей, а в таджикские – нет:

Со мной работают и местные. Мне нет разницы, с кем работать, как бабушка скажет (Ота, 37 лет).

На объекте работаем, на кирзаводе, ну «долина бедных» ваши называют. Там и местные работают, и мы (Далер, 30 лет).

Социальный капитал трудовых мигрантов из Таджикистана поддерживается не столько неформальными ресурсами солидарности, сколько институциональными. Мечеть является частью интеграционного механизма. Интервью с гастарбайтерами из Таджикистана показывают, что мечеть воспринимается ими не только как место религиозных отправлений, но и как «сетевой узел»:

В мечеть ходим по пятницам. Там молимся и общаемся. Общаемся с местными, теми, кто работает с нами. У кого какие проблемы, если финансовые, то собираемся, кто сколько может. Если кто-то в больнице, то тоже кто сколько даст. После службы остаемся, общаемся (Пир, 42 года).

В мечети мне всегда помогут. Вот деньги мне были срочно нужны, ребята собрали, потом я отдал (Берд, 45 лет).

Трудовые мигранты указывают, что мечеть поддерживает их и способствует упрочению связей трудовых мигрантов из Таджикистана с мусульманами республики.

Исследователи Р. Уолдинггер, Х. Олдрич, Р. Уорд при изучении проблемы этнического предпринимательства выявили, что «интенсивное взаимодействие внутри общей среды усиливает чувство общности и принадлежности к группе, а также формируется критическая масса, необходимая для создания формальных этнических институтов – церкви, общества взаимопомощи, в некоторых случаях – профсоюза, политического клуба, которые, в свою очередь, усиливают этническую идентичность» [Уолдинггер, 2008]. Подобного рода критическая масса формируется и в Мордовии:

Мы хотим мечеть свою строить. У нас здесь есть свой таджик, он заканчивает училище духовное. Он сейчас в мечети, где мы и собираемся, на Светехстрое. Это наша мечеть будет (Вали, 43 года).

Интервьюер: А почему у вас общественной организации нет, как у армян, например?

А зачем нам, от них нет никакого толка, это они для себя делают, а не для нас. У нас мечеть есть (Вали, 43 года).

Если интервью с узбеками показывают закрытость и самосегрегацию их сетей, то в ряде интервью с мигрантами из Таджикистана прослеживается ориентация на создание коалиционных отношений, формирующихся на основе религиозного единства и дружеских связях с местными татарами:

У меня здесь есть друзья. В мечети познакомились, хожу в гости к ним. Они татары. С девушкой друзей гуляю. Скоро мы с ней поженимся. Познакомились по телефону. Встретились. Она мне понравилась. Стали встречаться. Поженимся, здесь останемся, домик хочу где-нибудь недалеко от города купить (Алкос, 25 лет).

В интервью респонденты рассказывают о том, как они привыкают к жизни в Саранске, включаются в принимающее сообщество, как складываются каналы взаимодействия и появляются новые знакомые, друзья, налаживаются контакты, которые не всегда связаны с этническими и земляческими связями:

Есть женщина, хорошая знакомая, живу с ней. Она одинокая, мужа нет. Помогаю ей, познакомился в магазине, она продавцом работает (Берд, 45 лет).

Многие мигранты из Таджикистана хотят остаться жить в Саранске, создать семью, открыть собственное дело, построить дом, участвовать в строительстве мечети. Это позволяет предположить, что среди трудовых мигрантов из Таджикистана есть потребность в более полном включении в жизнь принимающего сообщества. В нашем случае ориентацию на более полную интеграцию продемонстрировали те информанты, которые стремятся расширить свой капитал, укрепить каналы взаимодействия не только в трудовой сфере, но и в сфере повседневного общения.

Одним из источников наращивания социального капитала выступает мечеть. В отношениях с представителями своей этнической группы и татарами региона мигранты соблюдают предписанные религиозные ритуалы поведения. Можно предположить, что именно общение в мечети способствует формированию чувства солидарности и признания мигрантов из Таджикистана в качестве «своих».

Таким образом, среди проинтервьюированных нами трудовых мигрантов из Таджикистана распространены интеграционные настроения и ожидания. Ориентацию на более полную интеграцию демонстрируют те, кто стремится вложить ресурсы в человеческий и социальный капитал: создать семью, открыть собственное дело, построить дом, участвовать в строительстве мечети.

Разницу в типах интеграции мигрантов из Узбекистана и Таджикистана можно связать с разницей в типах социального капитала, который может подразделяться на внутриэтнический и межэтнический [Сычев, 2012. С. 68]. В отличие от мигрантов из Узбекистана, у которых социальный капитал создается в ходе взаимодействия внутри национальной группы, сетевое взаимодействие таджикских мигрантов формирует межэтнический социальный капитал, способствующий более успешной интеграции в региональное сообщество.

Информанты из Таджикистана охотно рассказывают о своих новых друзьях, знакомых, упоминают об отношениях с местными женщинами, рассказывают о своих прогулках в парке, о том, что могут посидеть в кафе, сходить посмотреть салют на Советскую площадь на День города, делятся своими планами о приобретении жилья, создании семьи, воспитании детей и т. д. Данные факты позволяют сделать вывод об их готовности и возможности устанавливать контакты с местным населением, об их включении не только в трудовую сферу, но и повседневную жизнь. В интервью заметна ориентация на ассимиляционную направленность интеграции.

«Этническая ассоциация»: интеграция через группу

Отличительной особенностью социальной сети армян и азербайджанцев на территории республики является наличие общественной организации¹. В. И. Дятлов отмечает, что национально-культурные общества становятся «видимой частью этой "грибницы"» [Дятлов, 2005. С. 95]. Мы предлагаем подобный тип социальной сети условно назвать «этническая ассоциация».

В последние годы на территории Мордовии действуют общины азербайджанцев и армян. Азербайджанская организация не работает с трудовой миграцией, так как число мигрантов из Азербайджана, «*в принципе можно свети к нулю*», «*в городе те азербайджанцы, которые уже укоренились, много уважаемых людей. Есть и преподаватели, ученые*» (из интервью с представителем Общероссийской общественной организации «Всероссийский азербайджанский конгресс по Республике Мордовия»).

Что касается общественной организации «Союз армян России», то она активно работает с трудовыми мигрантами. Поддержку трудовым мигрантам оказывает также строительная фирма «Ташир»:

Не дай Бог с кем что-то случается, может с нами не хорошо поступили, а тут можно решить вопрос. Не дай Бог, кто-то умирает, мы собираемся,

¹ В 2008 г. в Мордовии создано Мордовское региональное отделение «Союз армян России», в 2009 г. – Региональное отделение Общероссийской общественной организации «Всероссийский азербайджанский конгресс по Республике Мордовия».

кто, сколько может, чтобы человеку помочь (представитель Мордовского регионального отделения «Союз армян России»).

Армяне-мигранты, приехавшие в республику, трудятся в торговле, сфере обслуживания и в строительстве. Интервью показывают, что многие армяне ориентированы на постоянное проживание в Мордовии, реализацию инновационного потенциала мигрантов:

Сейчас в республике 200 человек, из них 30% хотят остаться. Остальные возвращаются после сезона. Мы работаем сезонами (представитель компании «Ташир»).

Пиццерию открыли. Пиццу делают, развозят, все свои там работают (представитель Мордовского регионального отделения «Союз армян России»).

Те, кто хочет остаться жить в России, рассматривают республику как оптимальную зону для жизни: *«людям здесь нравится»* (из интервью).

Мне здесь нравится, потому что хорошо относятся к людям, даже не просто хорошо, а очень хорошо (Артак, 30 лет).

Иностранные трудовые мигранты из Армении, как и мигранты из Таджикистана, оптимистично и позитивно оценивают отношение местного населения к иностранной миграции, интеграционные перспективы. Данные интервью говорят о том, что миграция в регионе формируется по принципу «снежного кома». В частности, армяне, удачно интегрировавшиеся в республике, приглашают родственников и близких из Армении. М. Вайнер пишет, «если в миграции и есть хоть один "закон", то он заключается в том, что миграционный поток, однажды начавшись, увеличивает свою скорость. Мигранты дают возможность мигрировать своим друзьям и знакомым, снабжая их информацией о том, как мигрировать, средствами для облегчения переезда, а также оказывают помощь в поиске работы и жилья» [Weiner, 1995. P. 22].

У нас приглашают родственников. Жена, теща, дядя. Потихоньку собираемся все рядом, потом брата пригласили. Стараемся быть рядом (Баграт, 42 года).

Интервью с мигрантами из Армении показывают ценность отношений с теми, кто приехал в республику раньше, обзавелся полезными связями и знакомствами. Они могут помочь с первичным обустройством, работой, жильем, регистрацией. Опора на «своих» становится здесь жизненной необходимостью:

Пришел из Москвы, его там «кинули», пришел, просит помочь (представитель компании «Ташир»).

Позвонил своим, говорят, приезжай, поможем, работу найдем. Я приехал, сразу начал работать, торговый центр строить со своими.

С регистрацией и документами сразу помогли, через несколько дней все уже было готово (Зураб, 38 лет).

Вопросы, связанные с размещением и проживанием армян-мигрантов, находятся во внимании «Союза армян России» и организации «Ташир»¹. Интеграция трудовых мигрантов здесь происходит при помощи посредников, помогающих решать вопросы, связанные с трудоустройством и оформлением документов:

Кто-то у своих родственников. На самой стройке, там все есть, кровати, повар, туалет. Там есть частная охрана, объект охраняется. Все нормально, там все под контролем. Если, не дай Бог, кто закон нарушает, то штраф 80 тысяч (представитель компании «Ташир»).

Интервью с представителем компании «Ташир» показывает, что забота о трудовых мигрантах из Армении связана в первую очередь с вопросом их безопасности и устройства быта, причем сделанный на наличии «кроватей», «повара», «туалета» акцент указывает на то, что созданы в принципе нормальные условия для жизни; соблюдается и принцип разделения труда – наличие обслуживающего персонала – повара. Это интервью свидетельствует о более сложно устроенном быте, в котором предусмотрено удовлетворение не только базовых, но и многих потребностей более высокого уровня.

Так как Мордовское региональное отделение «Союз армян России» организовано сравнительно недавно, то в настоящее время его руководство заинтересовано не только в оказании помощи трудовым мигрантам, находящимся на территории республики, но и в конструировании национальной идентичности, так как и на рынке труда, и на рынке жилья действует принцип «свои-чужие»:

Квартиру снять очень тяжело. Сын в школу ходил, мы жили на Гожувского, рядом садик, потом пришлось искать квартиру. Обратились в фирму, разговариваю, чувствуют, видимо, акцент. Спрашиваю, в чем причина? Мол, узбеки туда-сюда. Я говорю, я не узбек, не будем жить по 20 человек (представитель Мордовского регионального отделения «Союза армян России»).

Фраза информанта *«мол, узбеки туда-сюда. Я говорю, я не узбек, не будем жить по 20 человек»* весьма показательна в том плане, что в ней, во-первых, артикулируется статусная иерархия по этническому признаку, во-вторых, для информанта «узбеки» – это собирательное название низкостатусной группы. На этом фоне армяне выступают более высокостатусной группой мигрантов, которая ближе к границе «своих».

В интервью артикулировано намерение создать «буферную зону» для воспроизводства социальных сетей и связей, национальной культуры

¹ Филиал российского холдинга «Ташир» в Мордовии, работает по двум направлениям – сфера строительства и «Пиццерия». В Мордовии в «Ташире» работают рабочие из Армении.

и традиций, вместе с тем именно эта зона будет создавать информационные потоки, конструирующие образ армян в регионе.

Представитель Мордовского регионального отделения «Союз армян России» отметил, что *«основное направление деятельности [организации] – это изучение языка, открытие школы, проведение национальных праздников, укрепление разнообразных связей с исторической родиной»*.

В интервью армяне рассказывали, что те, кто переехал в Мордовию с семьями, обучают детей родному языку, стараются выполнять национальные обряды и ритуалы.

Азербайджанские информанты, в свою очередь, отметили:

язык учит, кто хочет, это дело семьи. А школа нам азербайджанская зачем? Нас не так уж и много. Сейчас в Азербайджане жизнь хорошая, кто особо [сюда] поедет. В гости приезжают, поработать приезжают к родственникам, много предпринимателей среди азербайджанцев, магазины держат, склады на улице Рабочей, в Тупике (представитель регионального отделения общероссийской общественной организации «Всероссийский азербайджанский конгресс по Республике Мордовия»).

По мнению представителя азербайджанской организации,

организация нужна для общения с властными структурами региона, для расширения пространства коммуникации, что имеет большое значение для республики. Нас воспринимают как партнеров в решении различных проблем и вопросов (представитель регионального отделения общероссийской общественной организации «Всероссийский азербайджанский конгресс по Республике Мордовия»).

Он отметил, что азербайджанцы, интегрировавшиеся в региональный социум, приглашают родственников, близких друзей из Азербайджана на 2–3 месяца в гости, *«может по работе помогут»*, т. е. складывается так называемая «этническая экономика». Трудовым мигрантам из Армении и Азербайджана «сетевая структура обеспечивает консолидацию ресурсов вокруг наиболее активной и экономически, политически и социально успешной группы влияния» [Мокин, 2006. С. 89].

Основаниями выявленного типа социальных сетей является интеграция в принимающее общество через группу, а не индивидуально, посредством формальных институтов (общественная организации и фирма). Общественные организации становятся для трудовых мигрантов способом вхождения в принимающее общество, а для тех, кто уже укоренился и закрепился в республике, – дополнительным ресурсом.

В ряде исследований группового поведения иностранных мигрантов показано, что оно может ориентироваться как на сохранение своей национальной идентичности, так и одновременно на всемерное расширение, захват новых позиций в принимающем обществе. В. Гельбрас, например, утверждает, что члены сообщества, организованные по типу землячества, стремятся более или менее открыто и законно занимать

в принимающем обществе экономические, а когда возможно, и политические плацдармы:

При этом представителей землячества не заботят интересы окружающего общества, для них чрезвычайно важно выявление и максимально полное использование слабых сторон окружающего мира [Гельбрас, 2002. С. 21].

Интервью позволяют сделать вывод о том, что интеграция азербайджанцев и армян связана со стратегией мультикультурализма, с приобретением норм, ценностей местной культуры при одновременном сохранении своей национальной культуры. Цель общественной организации артикулируется как создание для своей этнической группы определенного места, функций, сфер влияния.

Анализ нашего эмпирического материала (интервью с иностранными трудовыми мигрантами из Узбекистана, Таджикистана, Армении и Азербайджана в Мордовии) показал, что основным способом для преодоления барьеров к реализации трудовых стратегий на территории принимающего общества являются социальные сети. Складывающиеся стратегии интеграции и типы социальных сетей различных этнических трудовых групп мигрантов не всегда согласуются друг с другом. Можно согласиться с мнением, что наличие социальных сетей свидетельствует «одновременно об отсутствии действенных интеграционных программ в принимающих странах, которые могли бы облегчить все тяготы жизни иностранных рабочих» [Методология... 2007. С. 175]. С помощью социальных сетей мигранты получают доступ к работе, жилью и другим ресурсам, снижают риски в пространстве неопределенности.

В связи с этим государственная миграционная политика должна быть гибкой, учитывать особенности региона, принимающего трудовых мигрантов, и каждой этнической группы. Современная миграционная политика не может быть представлена в рамках одной модели: «ассимиляции», «мультикультурализма» или «сегрегации», необходима диверсифицированная модель, предусматривающая многообразие типов и стратегий интеграции, обеспечивающих «равенство разных» и предоставление равных возможностей. Идеи различных моделей могут быть синтезированы в интегративную модель миграционной политики. Политика в отношении иностранных трудовых мигрантов должна, на наш взгляд, ориентироваться на перераспределение ресурсов, их вложение в новые сферы, например в образование мигрантов. Целью диверсифицированной модели должно стать достижение устойчивости социальной структуры региона. Увеличение разнообразия механизмов стратегий интеграции, создание качественно новых элементов в миграционной системе должно вести к снижению социальных рисков.

Список источников

- Блинова М. С.* Современные социологические теории миграции населения: монография / под ред. В. И. Добренкова. М., 2009.
- Гельбрас В.* Китайская миграция и китайские землячества в России // Мир в зеркале международной миграции: сб. ст. / под. ред. В. А. Ионцева. М., 2002. Вып. 10. С. 22–39.
- Грановеттер М.* Социологические и экономические подходы к анализу рынка труда: социоструктурный взгляд // Экономическая социология. 2011. Т. 12. № 2 // http://ecsocman.edu.ru/data/2010/09/17/1215001435/Granovetter_labour_markets.pdf
- Дятлов В. И.* Миграции, мигранты, «новые диаспоры»: фактор стабильности и конфликта в регионе // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность / под ред. В. И. Дятлова, С. А. Панарина, М. Я. Рожанского. М., 2005. С. 95–137.
- Зотова Н. А.* Трудовая миграция из стран Средней Азии в Россию. Положение в принимающей стране и адаптация сезонных мигрантов // Гастарбайтерство. Факторы адаптации. М.: Старый сад, 2008. С. 153–176.
- Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139.
- Мокин К. С.* Групповые стратегии интеграции этнических миграционных сообществ. Саратов: Науч. книга, 2006.
- Методология и методы изучения миграционных процессов* / под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. М.: Центр миграционных исследований, 2007.
- Радаев В. В.* Экономическая социология. М.: Аспект Пресс, 1998.
- Рона-Тас А.* Устойчивость социальных сетей в посткоммунистической трансформации Восточной Европы // Неформальная экономика: Россия и мир / под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 396–411.
- Сычев А. А.* Доверие в сфере межэтнического взаимодействия // Социальная этика / под ред. А. Е. Конверского. Киев: Ун-т «Украина», 2012. С. 63–73.
- Уолдинггер Р., Олдрич Х., Уорд Р.* Этнические предприниматели // Экономическая социология. 2008. Т. 9. № 5. С. 30–55.
- Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. М.: АСТ; Ермак, 2004.
- Bonacich E., Appelbaum R. P.* Behind the Label: Inequality in the Los Angeles Apparel Industry. Berkeley: University of California Press, 2000.
- Sztompka P.* Trust: a Sociological Theory. Cambridge, UK; New York, NY: Cambridge University Press, 1999.
- Weiner M.* The Global Migration Crisis: Challenge to States and to Human Rights New York: Harper Collins College Publishers, 1995.

References (Cyrillic letters are transliterated)

- Blinova M. S.* Sovremennyye sotsiologicheskiye teorii migratsii naseleniya: monografiya / pod red. V. I. Dobrenkova. M., 2009.
- Gelbras V.* Kitayskaya migratsiya i kitayskiye zemlyachestva v Rossii // Mir v zerkale mezhdunarodnoy migratsii: sb. st. / pod. red. V. A. Iontseva. M., 2002. Vyp. 10. S. 22–39.
- Granovetter M.* Sotsiologicheskiye i ekonomicheskiye podkhody k analizu rynka truda: sotsiostrukturnyy vzglyad // Ekonomicheskaya sotsiologiya. 2011. T. 12. № 2 // http://ecsocman.edu.ru/data/2010/09/17/1215001435/Granovetter_labour_markets.pdf

- Dyatlov V. I.* Migratsii, migranty, «novyye diaspory»: faktor stabilnosti i konflikta v regione // Baykalskaya Sibir: iz chego skladyvayetsya stabilnost / pod red. V. I. Dyatlova, S. A. Panarina, M. Ya. Rozhanskogo. M., 2005. S. 95–137.
- Zotova N. A.* Trudovaya migratsiya iz stran Sredney Azii v Rossiyu. Polozheniye v prini-mayushchey strane i adaptatsiya sezonnykh migrantov // Gastarbayerstvo. Faktory adaptatsii. M.: Staryy sad, 2008. S. 153–176.
- Koulman Dzh.* Kapital sotsialnyy i chelovecheskiy // Obshchestvennyye nauki i sovremennost. 2001. № 3. S. 122–139.
- Mokin K. S.* Gruppovyye strategii integratsii etnicheskikh migratsionnykh soobshchestv. Saratov: Nauch. kniga, 2006.
- Metodologiya i metody izucheniya migratsionnykh protsessov / pod red. Zh. Zayonchkovskoy, I. Molodikovoy, V. Mukomelya.* M.: Tsentri migratsionnykh issledovaniy, 2007.
- Radayev V. V.* Ekonomicheskaya sotsiologiya. M.: Aspekt Press, 1998.
- Rona-Tas A.* Ustoychivost sotsialnykh setey v postkommunisticheskoy transformatsii Vostochnoy Yevropy // Neformalnaya ekonomika: Rossiya i mir / pod red. T. Shanina. M.: Logos, 1999. S. 396–411.
- Sychev A. A.* Doveriye v sfere mezhetnicheskogo vzaimodeystviya // Sotsialnaya etika / pod red. A. E. Konverskogo. Kiyev: Un-t «Ukraina», 2012. S. 63–73.
- Uoldinger R., Oldrich Kh., Uord R.* Etnicheskiye predprinimateli // Ekonomicheskaya sotsiologiya. 2008. T. 9. № 5. S. 30–55.
- Fukuyama F.* Doveriye: sotsialnyye dobrodeteli i put k protsvetaniyu: per. s angl. M.: AST; Yermak, 2004.
- Bonacich E., Appelbaum R. P.* Behind the Label: Inequality in the Los Angeles Apparel Industry. Berkeley: University of California Press, 2000.
- Sztompka P.* Trust: a Sociological Theory. Cambridge, UK; New York, NY: Cambridge University Press, 1999.
- Weiner M.* The Global Migration Crisis: Challenge to States and to Human Rights New York: Harper Collins College Publishers, 1995.

Фофанова Катерина Владиславовна – доктор социологических наук, профессор
кафедры методологии науки и прикладной социологии
Мордовского государственного университета,
электронная почта: kateri02@yandex.ru

Борисов Дмитрий Михайлович – кандидат социологических наук, старший
преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Российского университета кооперации
Саранский кооперативный институт (филиал),
электронная почта: borisov@trudrm.ru

Katerina V. Fofanova – Doctor of Sciences, Sociology, Professor of Department of
Methodology of Science and Applied Sociology, Mordovia State University,
e-mail: kateri02@yandex.ru

Dmitriy M. Borisov – Candidate of Sciences, Sociology, Senior Lecturer of Department of
Social Sciences and Humanities of Saransk branch of Russian University of Cooperation,
e-mail: borisov@trudrm.ru
